

Вадим Муханов

Рец. на: П.И. Тахнаева. Гуниб, август 1859 г. «Последние дни джихада в Дагестане...». Махачкала: Мавраевъ, 2018. 352 с., ил.

Vadim Mukhanov

(Moscow State Institute of International Relations, Russia)

Rec. ad op.: P.I. Takhayeva. Gunib, avgust 1859 g. «Posledniye dni dzhikhada v Dagestane...». Makhachkala, 2018

DOI: 10.31857/S086956870013456-2

История Кавказской войны, и в том числе её завершения, не только по-прежнему дискуссионна, но и сильно политизирована. Если в советский период данная тематика пребывала в жёстких рамках и находилась под партийно-государственным контролем, то в последние десятилетия периодически появляются легенды и домыслы, связанные с одной из культовых для Дагестана фигур — имамом Шамилем. Последний год существования имамата давно оброс легендами и мифами и остаётся под сильнейшим идеологическим прессом, что, по справедливому замечанию П.И. Тахнаевой, постоянно провоцирует «всевозможные околонуточные спекуляции» (с. 15)¹. Вместе с тем Гунибская эпопея августа 1859 г. и пленение имама Шамиля до сих пор не становились предметом специального анализа, утонув в общих трудах. Даже в многотомной «Истории Дагестана» должного внимания им не уделялось (с. 16—17). А при их изложении в работах, посвящённых Шамилю, встречаются вопиющие ошибки и домыслы (с. 31—37).

В своём исследовании Патимат Тахнаева их тщательно выявляет и устраняет, опираясь на сравнительный анализ широкого круга как русских, так и северокавказских источ-

ников, в том числе созданных людьми из ближайшего окружения имама. Характерно, что даже в название книги включены слова из сочинения Абдурахмана ал-Газикумуки, сына духовного наставника Шамиля — знаменитого шейха Джемал Эддина Казикумухского (с. 6). Ведь, как констатировал В.О. Бобровников, «в науке остаётся... важная проблема использования местных мусульманских источников на восточных языках» и «до сих пор даже крупнейшие русисты допускают в передаче исламских реалий и даже местных названий и имён грубые ошибки»². Тахнаева активно и свободно рассматривает тексты на русском, арабском и аварских языках, что выгодно отличает её труд от многих других. Некоторые документы вводятся ею в научный оборот впервые (например, письмо, отправленное Джемал Эдином Шамилю 20 августа 1859 г.).

Монография Тахнаевой стала результатом многолетней работы в архивах и библиотеках Москвы, Калуги, Махачкалы, Владикавказа и Тбилиси. Исследовательнице удалось «подробно реконструировать хронику последних месяцев и дней государства Шамиля в контексте военно-политического положения на Кавказе», а также «провести грань между аргументированным

историческим знанием и воображаемыми домыслами» (с. 2). Это редкая в современной научной литературе пошаговая хроника, воссоздающая по дням и даже часам действия в июле и августе 1859 г., раскрывающая организацию укреплений горы Гуниб, выявляющая силы горцев и эволюцию планов Петербурга и кн. А.И. Барятинского.

Критически анализируя и сравнивая различные свидетельства, Тахнаева детально прослеживает весь ход переговоров между Шамилем и русским командованием, ею перечисляются переговорщики и участники встреч, обозначены позиции сторон и все предложения, требования и условия, обсуждавшиеся с первой встречи вблизи Гуниба 19 августа, учитывается при этом и ответная реакция на них. Столь скрупулёзное описание полностью опровергает распространяемую в Дагестане в последние годы спекулятивную версию о том, что имам якобы был обманут русскими генералами. Кратко очерчена автором и дальнейшая судьба Шамиля, вплоть до его смерти в Медине в 1871 г. В частности, говорится об определении сословного статуса членов его семейства, обстоятельствах принесения им верноподданнической присяги российскому императору в 1866 г. и появления затем его знаменитого письма Александру II, которое многие современные общественно-политические деятели нередко ошибочно называют «политическим завещанием». В отдельной главе опровергаются популярные на Северном Кавказе представления об участии в обороне Гуниба чеченского наиба Байсунгура Беноевского, который, по современной легенде, якобы смог сбежать от русских войск (с. 240—252).

Текст монографии удачно дополняет и поясняет великолепный картографический материал, демонстриру-

ющий движение отряда Шамиля и частей Кавказской армии к финальному столкновению под Гунибом. Оценят читатели и краткие биографические справки об основных участниках событий, включая сравнительно малоизвестных наибов, зачастую поступавших позднее на русскую службу. Украшением издания служит документальное приложение, включающее материалы, извлечённые из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан (с. 325—340), и со вкусом подобранные иллюстрации. Среди них особый интерес вызывает редкое фото 1909 г., сделанное во время празднования 50-летия Гунибской эпопеи.

Тем не менее нельзя не отметить, что Тахнаева, погружаясь в изложение переговорного процесса, гораздо меньше пишет про качественное изменение общей военно-политической ситуации на Северном Кавказе по сравнению не только с 1839 г., но даже с 1856 г., когда была составлена известная карта имама Шамиля. К 1859 г. прежних сил и возможностей у него уже практически не осталось: из подчинения ему уходили как отдельные группы приближённых, так и целые районы и крупные селения. Тахнаева признаёт, что горцы устали от войны (или многолетнего пребывания в фактически постоянном военном напряжении) и «не хотели воевать», и это облегчило продвижение русских войск в глубь Дагестана (с. 81). Призрачны были и упоминаемые Тахнаевой надежды на турецкого султана: после Крымской войны он явно не хотел вмешиваться в кавказские дела. Впрочем, и ранее взаимоотношения Шамиля со Стамбулом оставались весьма натянутыми. К тому же если в 1839 г. под Ахульго молодой имам, едва создавший своё государство, мог блистательно сыграть «Наполеона гор» и вырваться из окру-

жённому аула, не считаясь с потерей родных и близких, то в 1859 г. это был уже старый и уставший человек, обременённый большим семейством и обязательствами перед ним. По сути, в сложившейся тогда ситуации ему оставалось лишь капитулировать, пожившись на милость победителя, что и произошло весьма достойным для предводителя горцев образом.

Так или иначе, какие бы надежды ни питал Шамиль перед выходом из Гуниба, он был разбит и блокирован. В случае продолжения штурма ему и его семье грозила гибель, что и вынудило после небольшой провоочки принять требование о сдаче без каких-либо условий, кроме гарантии личной безопасности, т.е. сохранения жизни ему и его близким. Кн. Барятинский обращался с противником честно и сдержал своё слово. Кстати, именно полное исполнение данных обещаний достаточно быстро вызвало у имама доверие и симпатию к наместнику царя на Кавказе. Впоследствии

они состояли в дружеской переписке³, Шамиль неоднократно гостил у князя, который, даже покинув свой пост, выступал в роли его ходатая перед императором. Очевидно, что в случае обидного и низкого обмана на Гунибе подобное сближение оказалось бы невозможно. И теперь на это указывают не только письма Шамиля, но и весьма объёмный и объективный труд П.И. Тахнаевой.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Тахнаева П.И.* Имамат Шамиля в современной историографии // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 200—209; *Маньшев С.Б.* Основные тенденции в постсоветской (современной) историографии Кавказской войны XIX в. на примере работ дагестанских авторов // Кавказский сборник. Т. 11(43). М., 2019. С. 105—119.

² *Бобровников В.О.* Историк джихада Хаджи-Али ал-Чухи (из Чоха) // Кавказский сборник. Т. 10(42). М., 2017. С. 185—186.

³ Переписка с имамом Шамилем и его семейством. 1859—1871 гг. // *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С. 378—395.

Александр Полунов

Рец. на: А.А. Иванов. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.

Aleksandr Polunov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Ivanov. Plamennyi reaktzioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich. Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S086956870013457-3

В общественно-политической жизни России начала XX в. В.М. Пуришкевич занимал особое место, выделяясь даже на фоне наиболее ярких личностей той переломной эпохи. По замечанию А.А. Иванова, «в России в 1906—1920 годы практически не было людей (за исключением разве уж совсем неграмотных), которые бы ни разу не слышали имя этого политика»

(с. 5). Знаменитый лидер правых стал героем не только газетных статей и парламентских дебатов. Его образ «пошёл в народ». Портреты Пуришкевича печатались на конфетных обёртках, использовались при изготовлении рыночных поделок и сувениров. В оперетках распевали посвящённые ему куплеты. Дети с увлечением играли «в Пуришкевича», а извозчики исполь-